

A futuristic space scene. In the foreground, an astronaut in a dark, metallic suit stands with their back to the camera, looking out over a vast, blue, mountainous landscape. In the background, a large, dark, metallic sphere with glowing orange lights and intricate patterns dominates the sky. The scene is set against a backdrop of a sunset or sunrise with orange and yellow hues. Several smaller celestial bodies are visible in the distance.

Макс Зорин

Колыбель

Макс Зорин

Колыбель

«Автор»

2026

Зорин М.

Колыбель / М. Зорин — «Автор», 2026

Земной корабль «Парадокс», находит в космосе аномалию — идеальную чёрную сферу, которая оказывается артефактом цивилизации, существовавшей до Большого взрыва. Главный инженер Итан Раш вступает в контакт с чужим разумом, получая знание их вселенной. Цена — постепенная потеря собственной личности и опасное искажение пространства вокруг. Финал — сложный выбор между наукой, самопожертвованием и возвращением домой.

© Зорин М., 2026

© Автор, 2026

Макс Зорин

Колыбель

Глава 1. Тишина на частоте 2.7 К

Корабль назвали «Парадокс», и это имя оправдывало себя каждую секунду полёта. Трёхкилометровая игла из композитной керамики и сверхпроводящих катушек, он нёс в своём чреве достаточно энергии, чтобы на миг зажечь маленькую звезду, и при этом двигался почти бесшумно. Гравитационный двигатель, детище трёх поколений инженеров, не гудел и не вибрировал — он лишь едва заметно искажал метрику пространства позади кормы, заставляя ткань Вселенной мягко, почти нехотя проталкивать корабль вперёд, как вода выталкивает на поверхность щепку. Тишина была абсолютной.

Итан Раш, главный инженер, стоял в центре рубки управления — полусферы, стены которой в обычном режиме служили сплошным экраном. Сейчас на них мягко серела пустота. Ни звёзд, ни туманностей, ни света. «Парадокс» находился в глубоком подпространственном тоннеле, так называемой «норе Гринберга», где сама геометрия пространства была смята в гармошку. Здесь не было электромагнитного излучения, кроме реликтового фона, разогретого до температуры в два и семь десятых градуса выше абсолютного нуля. Этот свет, ровесник Большого взрыва, просачивался сквозь любые преграды, и на проекционных стенах рубки он отображался как едва уловимая, мерцающая серость — цвет глаз новорождённого котёнка, припомнил Итан странное, неуместное сравнение. Он уже и не помнил, когда в последний раз видел котёнка. Наверное, ещё до того, как Алиса и Лили...

Раш оборвал мысль на полутакте. Это была старая, выученная годами практика — обрывать воспоминания до того, как они успеют сформироваться в образы. Как предохранитель, выбитый до короткого замыкания. Он перевёл взгляд на диагностическую панель, где пульсировали оранжевые столбцы цифр.

— Расчётное время выхода из тоннеля — двенадцать минут, — произнёс он, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо, без интонации. Акустика рубки, рассчитанная на идеальное распространение звука, делала речь сухой и безжизненной, словно говорил не человек, а синтезатор.

— Слышу, — отозвался из соседнего кресла Маркус Вэйн. Он сидел, неестественно выпрямившись, положив ладони на подлокотники, пальцы слегка сжаты. Пилотская поза, выработанная годами тренировок и сотнями часов, проведённых в аварийных симуляторах. Однако Итан заметил, что большой палец его правой руки выбивает дробь по композитной поверхности — быструю, нервную, произвольную.

Маркус боялся. Не самого тоннеля и не предстоящего выхода. Его клаустрофобия, старая, загнанная вглубь, как инфекция, обострялась именно в такие моменты — когда корабль был максимально изолирован от внешнего мира. Несмотря на трёхкилометровую длину «Парадокса», Маркус ощущал его как тесный гроб. Жилые отсеки, лаборатории, оранжереи — всё это переставало существовать для него, стягиваясь в точку здесь, в рубке управления, которая вдруг становилась размером с кабину атмосферного истребителя. В такие минуты ему казалось, что стены дышат, медленно, неумолимо сжимаясь, чтобы раздавить его.

— Нервничаешь? — спросил Итан, не отрывая взгляда от цифр.

— Я всегда нервничаю, — голос Вэйна был спокойным, почти ленивым. Он научился маскировать страх за годы службы. — Это профессиональное. Пилот без нервов — мертвец. Или дурак.

— Или гравитационный инженер, — послышался третий голос — низкий, с хрипотцой, принадлежавший Лине Кавелл. Она вошла в рубку неслышно, босиком, оставляя на холодном композитном полу едва заметные влажные следы. Итан знал: она только что из душа. Горячая

вода помогала ей думать. Это был её способ смыть лишние шумы сознания, оставив только чистый поток уравнений.

Она прошла к своему терминалу — единственному в рубке, который не был вмонтирован в стену, а стоял отдельно, похожий на старинный пюпитр для нот. На его голографической поверхности уже мерцали сложные трёхмерные диаграммы — Лина оставила их включёнными на всю ночь, и теперь они мягко вращались, демонстрируя структуру пространства-времени вокруг аномалии.

— Красиво, — сказала она, не то обращаясь к диаграммам, не то к кому-то ещё. — Ты только посмотри на эту кривизну. Она почти идеальна. Как сферическая гармоника, но с поправкой на вращение. До мурашек красиво.

Вэйн хмыкнул, но ничего не ответил.

Итан повернулся к ним — впервые за последние полчаса. Он был высок, сутуловат, с длинными, тонкими пальцами и глубоко посаженными серыми глазами, которые казались выцветшими от хронического недосыпа. На правой скуле — тонкий белый шрам, след детской травмы, память о падении с велосипеда. Он не пытался его скрывать или удалять, как это делали многие. Шрам был частью его ландшафта.

— Это не просто красиво, — сказал он, и в его голосе прорезалась знакомая педантичность. — Это невозможно. Чёрная дыра такой массы не может существовать без аккреционного диска. Она должна всасывать межзвёздный газ, пыль, излучение — всё, что оказывается в радиусе захвата. Мы должны были зафиксировать рентгеновское излучение ещё на подлёте. Но его нет. Совсем. Как будто кто-то...

Он осёкся.

— Выключил её, — договорила Лина с внезапной, почти детской радостью, словно ей подарили новую игрушку. — Да, я тоже об этом думала. Кто-то выключил чёрную дыру. Или, точнее, изолировал её горизонт событий от внешней среды. Понимаешь, что это значит?

— Это значит, что мы имеем дело с артефактом, — тихо сказал Маркус, и его палец перестал выбивать дробь. Тишина вдруг стала гуще, плотнее. — С конструкцией. И тот, кто её построил...

— Тот, кто её построил, — перебила Лина, — владел технологией, которая нам и не снилась. Технологией управления гравитацией. Не такой, как у нас — примитивные двигатели на искривлении метрики, — а настоящей. Фундаментальной. Они, наверное, могли сворачивать пространство в узел, как носовой платок.

Она говорила быстро, почти взахлёб, не замечая, что её босые ноги начали пританцовывать на холодном полу. Лина Кавелл была самой молодой в экипаже, и наверное самой гениальной. Её мозг работал иначе, чем у Итана или Маркуса. Она не думала словами или образами — она мыслила структурами, топологическими преобразованиями, многомерными полями. Для неё уравнения были живыми существами, которые двигались и дышали в её сознании. Иногда, в редкие минуты откровенности, она признавалась Итану, что видит пространство-время цветным. Что кривизна отрицательная для неё синяя, а положительная — алая. Что гравитационная волна выглядит как радужная плёнка, дрожащая над летним асфальтом. Итан не знал, верить ей или нет. Но её расчёты были безупречны.

— Осталось девять минут, — объявил он, сверяясь с хронометром. — Маркус, займи место за пультом управления. Выход из тоннеля — самый ответственный момент. Если расчёты ошибочны и мы выйдем слишком близко к горизонту...

— То нас сплющит в сингулярность, — закончил Маркус, поднимаясь. Движения его стали собранными, хищными. Он пересёк рубку тремя быстрыми шагами и опустился в пилотское кресло, гибкое, повторяющее контуры тела. Его пальцы легли на сенсорные панели с отработанной точностью пианиста. — Я помню инструктаж. Но я также помню, что расчёты Лины проверены четыре раза. Искином, мной и тобой. Мы не ошиблись.

— Мы — нет, — тихо отозвалась Лина, и в её голосе впервые за всё время прорезалась странная, незнакомая нота. — Но мы исходим из предположения, что аномалия статична. А что, если она... реагирует? Что, если она знает о нашем прибытии?

Вопрос повис в воздухе. Итан ничего не ответил — лишь крепче сжал поручень диагностического пульта. Где-то в глубине корабля, в сердце гравитационного двигателя, нарастал едва слышимый, низкочастотный гул — предвестник выхода из подпространства. Пространство-время вокруг «Парадокса» начинало распрямляться, и этот процесс сопровождался рождением волн, похожих на инфразвук. Человеческое ухо не слышало их, но тело ощущало: кости начинали зудеть, а воздух в лёгких — вибрировать с частотой, близкой к резонансу внутренних органов.

На стенах рубки серая мгла реликтового фона начала бледнеть, наливаясь чернотой. Проступили первые звёзды — колючие, ослепительно яркие, совсем не такие, какими их видно с Земли. Здесь, в межзвёздной пустоте, без атмосферы и светового загрязнения, они сияли как осколки разбитого зеркала.

А потом появилась Она.

Сначала — едва заметное искажение на проекционных стенах, лёгкая рябь, словно кто-то плеснул водой на зеркальную гладь. Затем в центре рубки, прямо над головами, начало сгущаться ничто. Не чернота — чернота была бы цветом, — а именно отсутствие, провал, вырезанный в ткани реальности. Звёзды вокруг этого места странно искривлялись, вытягивались в дуги, как свет фонаря, отражённый в мыльном пузыре.

— Гравитационная линза, — прошептала Лина. Глаза её сияли. — Смотрите... Это она. Колыбель.

Корабль вышел из тоннеля плавно, почти мягко — навигационные алгоритмы сработали идеально. «Парадокс» замер на расстоянии в два миллиона километров от аномалии — достаточно далеко, чтобы не ощущать её тяготения, но достаточно близко, чтобы сенсоры начали захлёбываться данными.

Центральный экран теперь показывал не просто искажение. Он показывал сферу. Идеальную, математически точную сферу абсолютной черноты, окаймлённую тонким, едва заметным кольцом света — реликтовым излучением, которое, закручиваясь вокруг неё, образовывало нечто вроде короны. Диаметр — около сорока километров. Масса — почти три солнечных. Температура поверхности — абсолютный ноль с точностью до миллионных долей градуса.

— Она не излучает, — произнёс Итан, вчитываясь в данные. — Вообще ничего. Даже Хокинга. Это невозможно. Квантовые эффекты вблизи горизонта должны породить излучение, но его нет. Совсем. Как будто...

— Как будто горизонт событий не является границей, — договорила Лина. — Как будто это твёрдая поверхность. Идеальное зеркало. Но так не бывает. Ни одно вещество не может выдержать такую гравитацию. Это...

— Это технология, — спокойно закончил Маркус, не отрываясь от приборов. — Я фиксирую гравитационные волны. Слабые, но очень странные. Они не похожи на шум от слияния чёрных дыр или на пульсации нейтронных звёзд. Скорее... это похоже на сигнал. Модулированный. Как морзянка, только вместо точек и тире — колебания метрики.

В рубке воцарилась тишина — та самая, звенящая, наполненная невысказанным смыслом. Трое людей, висящих в пустоте на расстоянии десятков световых лет от дома, смотрели на чудо, которое не должно было существовать. На чёрную дыру, которую кто-то выключил, и которая ждала их — или кого-то другого — уже миллиарды лет.

— Начинаем полный цикл диагностики, — голос Итана звучал буднично, даже скучно, но пальцы, скользившие по панели, едва заметно дрожали. — Лина, подготовь спектральный анализ гравитационного фона. Я хочу увидеть все гармоники до восьмого порядка. Маркус,

запускай протокол активного сканирования. Нам нужно понять, стабильна ли эта штука, и как близко мы можем подойти без риска.

— А может, не надо приближаться? — тихо спросил Маркус. Он смотрел на экран, на безупречную чёрную сферу, и в его глазах отражался страх — древний, первобытный страх перед бездной. — Может, просто соберём данные и уйдём?

— Ты же сам сказал, — усмехнулась Лина, не отрываясь от своих диаграмм. — Тот, кто это построил, владел технологией управления гравитацией. Мы не можем просто уйти. Это — самый важный момент в истории человечества. Более важный, чем изобретение колеса, атомной энергии и гравитационного двигателя вместе взятых.

— И самый опасный, — добавил Итан, но в его голосе не было страха. Только усталость. И что-то ещё — глубоко спрятанное, почти забытое. Надежда.

Глава 2. Семена

Протокол активного сканирования запускали в три этапа. Сначала «Парадокс» выбросил вперёд себя рой микроскопических зондов — крошечных, с пылинку, устройств, разгоняемых лазерными импульсами до скоростей, близких к световым. Зонды несли на себе гравитационные детекторы, и их задачей было составить трёхмерную карту метрики пространства вокруг Колыбели. Вторым этапом шёл лидарный обстрел — корабль испустил серию лазерных импульсов в разных диапазонах, от радио до гамма-излучения, надеясь зафиксировать хоть какой-то отклик. Третьим, самым рискованным, был запуск «Гарпуна» — массивного, в несколько тонн, зонда, оснащённого собственным гравитационным двигателем. Ему предстояло приблизиться к аномалии на минимально безопасную дистанцию и, в случае угрозы, мгновенно уйти в подпространственный прыжок.

Всё это заняло около шести часов. Шесть часов напряжённой, монотонной работы, в течение которых Итан не отходил от диагностического пульта. Он проверял каждый блок данных, каждую телеметрическую сводку, каждый отчёт искина. Его педантизм, бывший когда-то предмет шуток коллег, теперь служил главной линией обороны. Он не доверял автоматике, не доверял собственным ощущениям, не доверял даже Лининым расчётам, пока не перепроверял их трижды. Ему казалось, что только так, цепляясь за рутину, за бесконечные протоколы и процедуры, он может сохранить рассудок.

Потому что каждый раз, когда он поднимал взгляд на главный экран, его начинало мутить. Колыбель висела там — немая, совершенная, невозможная. И чем больше данных они собирали, тем невозможнее она становилась.

— Поверхность стабильна, — произнесла Лина, разбивая тишину. Она сидела, скрестив ноги, прямо на полу рубки, окружённая роем голограмм. В её руках мерцал инфопланшет, но она почти не смотрела в него — все данные она воспринимала непосредственно через нейроинтерфейс, и сейчас её глаза были полузакрыты, как у человека, слушающего симфонию. — Она твёрдая, Итан. Не как у чёрной дыры, а как у планеты. Я могу измерить её твёрдость. У неё есть коэффициент упругости. Сейсмические волны, которые мы зафиксировали, — это колебания поверхности. Как землетрясения.

— Но это невозможно, — возразил Итан в пятый, наверное, раз за эти часы. — Гравитация на поверхности такой массы должна быть чудовищной. Чтобы удерживать вещество от коллапса, нужна сила отталкивания, превосходящая...

— Я знаю, какая сила нужна, — резко перебила Лина. Она открыла глаза и посмотрела на Итана в упор. — Нет, я не знаю, КАК они это сделали, но я знаю, ЧТО они сделали. Это не чёрная дыра. Это оболочка. И внутри, под этой оболочкой... — она запнулась. — Там не сингулярность. Там что-то есть. Что-то огромное, сложное, структурированное. Я не знаю, что, но его масса распределена неравномерно. Там есть пустоты, полости, ходы. Это больше похоже на... город. Или на механизм.

— Ты хочешь сказать, внутри чёрной дыры кто-то живёт? — Маркус оторвал взгляд от навигационной панели. Его лицо было бледным, но спокойным — так выглядит человек, который уже принял свой страх и научился действовать вопреки ему.

— Нет. Не живёт. Хранится. — Лина поднялась на ноги одним быстрым, почти танцевальным движением. — Посмотри на эти гравитационные волны, Маркус. Ты сказал, они похожи на сигнал. Но это не просто сигнал. Это... — она замялась, подбирая слова. — Помнишь старые граммофонные пластинки? Звук записывался в виде дорожки переменной глубины. Игла скользила по ней и вибрировала. Так вот, это — гравитационная пластинка. Колебания метрики пространства-времени записаны на поверхности этой... оболочки. Как информация.

Итан замер. Его пальцы, только что бегавшие по панели, застыли над сенсорами.

— Информация о чём?

— Обо всём. — Лина улыбнулась — странной, отсутствующей улыбкой. — Я прогнала эти колебания через декодер. Искин реконструировал часть. Этого не может быть, но... Там записана физика. Фундаментальные константы. Массы частиц. Постоянная тонкой структуры. Но они другие, понимаешь? Не такие, как в нашей Вселенной. Искин говорит, что если эти константы подставить в наши уравнения, то получается другая физика. Это — описание целой вселенной, которая существовала... до нашей.

В рубке повисло молчание — густое, как патока. Итан смотрел на Лину, и в его груди что-то медленно переворачивалось — тяжёлое, холодное, давно забытое. Он вспомнил свою дочь Лили. Вспомнил, как она, четырёхлетняя, спрашивала его: «Папа, а что было до того, как всё началось?» И он, астрофизик, специалист по квантовой космологии, не мог ей ответить. Отшучивался, говорил, что до Большого взрыва не было времени, а значит, не было никакого «до». Но Лили не понимала. Она хмурила бровки и твердила: «Должно же быть что-то. Не может быть совсем-совсем ничего». Теперь, двадцать лет спустя, он смотрел на доказательство её правоты.

— Предтечи, — прошептал Маркус. — Цивилизация, существовавшая до Большого взрыва. Я читал о такой гипотезе. Пенроуз, кажется? Что на реликтовом излучении могут остаться следы...

— При чём тут Пенроуз?! — Лина почти выкрикнула. — Это не гипотеза! Это вот оно! Перед нами — послание. Или нет. Не послание. Ковчег. Они сохранили свою вселенную. Схлопнули её в эту сферу и законсервировали до лучших времён. Как семя. Как...

Она вдруг замолчала. Её рука, тянувшаяся к голограмме, замерла в воздухе.

— Что? — спросил Итан.

— Я только что получила данные от «Гарпуна». Зонд приблизился к оболочке на сто тысяч километров. И... — она замолчала. Потом медленно, неверяще прошептала: — Оболочка изменилась.

Итан бросился к терминалу. На его экране возникло трёхмерное изображение — график кривизны пространства вблизи Колыбели. И он увидел. Там, где только что была гладкая, ровная поверхность, теперь вздулся небольшой, идеально круглый пузырь. Как капля ртути, выступившая из плоской поверхности.

— Она среагировала на зонд, — сказал Маркус, и его голос был ровным, почти безжизненным. — Она нас заметила.

Пузырь на поверхности Колыбели медленно рос. Он отделился от оболочки — крошечная, идеально круглая капля абсолютной черноты — и начал двигаться. Не в сторону «Гарпуна», нет. Его траектория была направлена прямо на «Парадокс».

— Расчётное время контакта — одиннадцать минут, — объявил искин бесстрастным голосом. — Объект обладает массой порядка ста миллионов тонн и движется с ускорением...

— Уклонение! — рявкнул Итан. — Маркус, уводи корабль!

Но пилот уже действовал. Его пальцы вбивали команды в навигационную панель, и «Парадокс» начал смещаться с орбиты, разгоняясь боковыми двигателями. Огромная игла корабля, постанывая от перегрузок, начала разворачиваться, чтобы дать возможность главному гравитационному двигателю толкнуть их прочь.

Но капля изменила курс. Без видимого выброса энергии, без торможения или ускорения, она просто... повернула. Как будто не знала инерции. Как будто законы физики были для неё не более чем рекомендацией.

— Она идёт за нами, — сказал Маркус, и впервые в его голосе прорезалась паника. — Курс на перехват. Ускорение... Итан, её ускорение не вписывается в наши модели. Она не теряет массу, не выбрасывает рабочее тело. Она просто движется, как будто гравитация для неё не помеха, а инструмент.

— Так и есть, — Лина смотрела на приближающуюся каплю, и в её глазах горел восторг, смешанный с ужасом. — Это не снаряд. Это зонд. Их зонд. Они послали его к нам, как мы послали свой к ним.

— Чего они хотят? — прошептал Итан.

— Контакта, — ответила Лина. — Они тоже хотят контакта. Только... только я не уверена, что их понимание контакта совпадает с нашим.

Капля приближалась. До столкновения оставалось восемь минут.

Глава 3. Грамматика бездны

Объект, которому Лина тут же присвоила кодовое имя «Семя», не стал таранить «Парадокс». Вместо этого он остановился — если можно применить слово «остановился» к чему-то, что двигалось, игнорируя инерцию, — в двух километрах от корпуса корабля. И завис. Абсолютно неподвижно, не проявляя ни малейших признаков активности. Чёрная, идеально круглая сфера диаметром около трёх метров висела в пустоте, словно была нарисована на бархате космоса.

— Оно что, просто ждёт? — спросил Маркус, вглядываясь в показания сенсоров. Его пальцы всё ещё лежали на панели управления, готовые в любую секунду дать команду на экстренное уклонение.

— Не знаю, — честно ответила Лина. Она смотрела на Семя сквозь камеры внешнего обзора, и её зрачки были расширены, как у человека, принявшего сильный стимулятор. — Оно не излучает. Вообще ничего. Ни в одном диапазоне. Но оно здесь, и оно держится на месте. А это значит, что оно компенсирует гравитационное притяжение. И у него и у нас масса в миллионы тонн. Мы должны притягиваться друг к другу. А оно стоит. Как приклеенное.

— Может, это просто... контейнер? — предположил Маркус. — Посылка. Нам её доставили, а теперь ждут, пока мы откроем.

— Отличная идея, — Итан развернулся к нему. — Давай откроем неизвестный объект неизвестного происхождения, который игнорирует законы физики. Что может пойти не так?

В его голосе сквозила горечь. Он вдруг поймал себя на мысли, что ему всё равно. Он устал бояться, устал контролировать каждую мелочь. Ему было пятьдесят два года. Его жена погибла при обрушении жилого купола на Марсе двенадцать лет назад, а дочь — семью годами позже, в экспедиции к Европе, когда отказал компенсатор давления. Обоих он пережил, и обоих не уберёг. С тех пор его жизнь была чередой протоколов и проверок — он пытался компенсировать ту, главную ошибку, когда доверился автоматике, и она подвела. Но теперь, глядя на Семя, он чувствовал только пустоту. Всё его мастерство инженера, вся его дотошность были бессильны перед объектом, который не подчинялся даже фундаментальным законам.

— Нужно изучить его дистанционно, — сказал он, подавив эмоции. — Лина, запускай сканирование. Всё, что у нас есть: лидар, радар, гравитометрию, нейтринные детекторы. Мы должны понять, из чего оно состоит.

— Уже, — отозвалась она. — И знаешь, что? Ничего. Лидар не отражается. Радар не отражается. Оно чёрное в КАЖДОМ диапазоне. Абсолютно чёрное тело с температурой, близкой к абсолютному нулю. Но масса есть, и гравитационное поле есть. А значит...

— Это вещество в состоянии, близком к Бозе-конденсату, — закончил за неё Итан. — Но как удерживается форма? При такой массе и размере оно должно было схлопнуться в микрокаплю. Квантовые эффекты...

— Не работают, — Лина покачала головой. — Здесь работают ДРУГИЕ эффекты. Предтечи переписали физику. Или создали локальную область, где действуют иные законы. Это Семя — не объект. Это... патч. Заплата с чужой реальностью.

Она говорила всё быстрее, и её руки чертили в воздухе невидимые узоры, словно она пыталась ухватить ускользающую мысль. Вдруг она замерла, и её глаза широко распахнулись.

— Слушайте. Смотрите на данные гравитометрии. Частота колебаний Семени модулирована. Она меняется. Вот, смотрите: сначала была последовательность импульсов — короткий, длинный, два коротких. Потом пауза. Потом — длинный, длинный, короткий. Это не случайный шум. Это...

— Сигнал, — прошептал Маркус. — Я же говорил. Морзянка.

— Не морзянка, — Лина вдруг рассмеялась — коротким, лающим смехом. — Это грамматика. Они послали нам грамматику.

Итан непонимающе смотрел на неё. Лина, видя его замешательство, торопливо начала объяснять, размахивая руками. Она указала на экран, где пульсировали графики гравитационных колебаний.

— Смотри. Любой язык строится на комбинации элементов. У нас есть фонемы. У них — кванты гравитационного излучения, минимальные колебания метрики. Разные по длительности и амплитуде. Из этих квантов строятся блоки — эквиваленты слов. А блоки комбинируются по определённым правилам — это синтаксис. Сейчас я вижу комбинацию из пяти блоков. Два повторяются. Три — уникальны. Если бы это было случайным шумом, распределение было бы равномерным. А тут — явная структура.

— Ты можешь это расшифровать? — спросил Маркус, подавшись вперёд. Его страх никуда не делся, он всё ещё жил где-то в глубине, но профессиональное любопытство брало верх. Он был пилотом, но ещё и инженером-связистом, и идея инопланетного языка пьянила его не хуже гравитационных аномалий.

— Расшифровать? — Лина покачала головой. — Нет. Но я могу попытаться найти закономерности. Синтаксическое дерево. Правила, по которым строятся сообщения. Мы не поймём, ЧТО они говорят, но поймём, КАК они это говорят. А это — первый шаг к диалогу.

— Ты предлагаешь ответить? — Итан напрягся. — Послать им сигнал?

— А что ещё нам остаётся? Сидеть и ждать, пока они начнут действовать первыми? — Лина посмотрела на него с вызовом. — Мы — исследовательская миссия. Наша задача — установить контакт. И вот он, контакт, сам пришёл к нам. Неужели мы испугаемся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.